

Ф. Я. ПРИЙМА

**„Слово о полку Игореве“ в литературной жизни
начала XIX века**

(Материалы)

1. Г. Р. Державин и „Слово о полку Игореве“

Вскоре после издания „Слова о полку Игореве“, в то время, когда русская историческая и филологическая наука делала только робкие попытки на путях подлинно научного изучения древнейшего памятника русской поэзии, заимствованные из него отдельные понятия, выражения и термины уже успели прочно войти в обиход русской литературной жизни, а образ древнего поэта-певца Бояна, по справедливому выражению Белинского, стал „риторической фразой“ русской поэзии начала XIX века.¹

Образ Бояна в поэзии 1810-х годов находил самое разнообразное применение; нередко с ним сравнивали крупнейших представителей русской поэзии XVIII века — Ломоносова, Хераскова, Державина.

Сравнение Державина с Бояном мы можем найти, например, в напечатанном в 1808 году стихотворении некоего К. З., озаглавленном „Державину, по прочтении его перевода Пиндаровых од“.

О песнопевец! Ты возрождаешь
Гений почивших племен.
Лирой Бояна, песням дорийским
Ново бессмертье даешь.²

В журнале „Русский вестник“ за тот же 1808 год мы находим и другое поэтическое уподобление Державина Бояну, принадлежавшее неизвестному автору, проживавшему в селе Мальковке Саратовской губернии.³

Приблизительно в это же время автор изданного в 1808 году стихотворного переложения „Слова о полку Игореве“ на русский язык Александр Палицын проводил параллель между Державиным и Бояном в следующих стихах:

Летите тщетные из мыслей вон мечтанья,
Восторга моего плоды, воспоминанья

---

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова и В. С. Спиридонова, т. XII, М.—Л., 1926, стр. 9.

² Русский вестник, 1808, ч. II, стр. 80.

³ Там же, ч. V, стр. 316—323 (стихотворение „Державин“, подписанное инициалами N. N.).

О детстве и всегда мне милой стороне!
 Не жить мечтательно в той славной стороне,
 Где древле пел Боян, где ныне песни громки
 Державин предаст щастливее в потомки!¹

Сравнение Державина, если и не с Бояном, то с автором „Слова о полку Игореве“, находим мы и у А. С. Шишкова.²

Вряд ли авторы приведенных выше аналогий подразумевали какую-либо общность идей или стиля двух столь отдаленных друг от друга поэтов, вряд ли они стремились уподобить, скажем, гражданский пафос поэзии Державина героическому характеру древнерусской поэзии, хотя некоторые основания для такого рода уподобления несомненно существовали. Скорее всего и авторы из „Русского вестника“, и Александр Палицын, и Шишков стремились подчеркнуть в своих сравнениях огромное значение славы Бояна, с одной стороны, и Державина, с другой, а отнюдь не указать на сходство их поэтических систем.

Как бы то ни было, приведенные выше сравнения ценны для нас главным образом как свидетельство повышенного внимания современников Державина к древнерусской поэзии, ее темам, ее изобразительным средствам.

Количество примеров, свидетельствующих о большом интересе к „Слову о полку Игореве“ среди современников Державина, в том числе и лиц, принадлежавших к близкому окружению знаменитого поэта, можно было бы значительно увеличить. Однако это не входит в нашу задачу, и поэтому мы ограничимся здесь лишь упоминанием двух имен — А. Н. Оленина и В. В. Капниста, имен, с которыми Г. Р. Державин в своей поэтической деятельности был тесно связан на протяжении длительного времени и об интересе которых к древнейшему памятнику русской поэзии уже говорилось в одной из наших статей (в девятом томе „Трудов ОДРЛ“).

„Слово о полку Игореве“ привлекало к себе внимание и самого Державина. В литературе, посвященной древней поэме, уже отмечались несколько кратких высказываний о ней Державина, заключенных в его „Рассуждении о лирической поэзии“ (1811—1816), равно как и вызванные этим „Рассуждением“ замечания о „Слове“ митрополита Евгения Болховитинова.³

Настоящее сообщение ставит перед собой задачу определить отношение Державина к „Слову о полку Игореве“ не только по его высказываниям, но также и на примерах творчества поэта.

Державин познакомился со „Словом о полку Игореве“, вероятно, сразу же после его издания. Не исключена возможность, что оно было известно ему и ранее, в списке или даже в подлинной рукописи, которая, как известно, была в руках Н. М. Карамзина и ряда других знакомых А. И. Мусина-Пушкина. Точная дата ознакомления Державина с древней поэмой нас мало интересует, так как любое решение этого вопроса не меняет того факта, что поэт познакомился со „Словом о полку Игореве“ в период полной своей творческой зрелости, — почти на исходе своей жизни. Само собой разумеется, что эстетические принципы, на которых был воспитан Державин, имели очень мало общего

¹ Вестник Европы, 1809, ч. 47, стр. 200 (стихотворение „Гавриилу Романовичу Державину“).

² Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе. СПб., 1824, ч. VI, стр. 22.

³ Слово о полку Игореве. Библиографический указатель, под ред. С. К. Шамбинаго. М., 1940, стр. 16, №№ 10, 11 и 12.

с поэтической системой „Слова“. Эстетические нормы древней поэмы находились в резком противоречии как с канонами классицизма, так и со стилем утверждавшегося сентиментализма, и поэтому даже подсказываемые чувством национальной гордости восторги перед автором „Слова о полку Игореве“ и Бояном в литературной среде начал XIX века не всегда сопровождались приятием поэтической системы „Слова“.

Так, например, мы не находим никаких отзвучков „Слова о полку Игореве“ в поэтическом творчестве В. В. Капниста, хотя его восторженное отношение к древней поэме и глубокий научный интерес к ней нам хорошо известны. Подобное безразличное или даже отрицательное отношение к поэтике древнерусской поэмы ясно выражено в двух стихотворениях В. А. Пушкина. В одном из них, в послании к В. А. Жуковскому, полемизируя с поклонниками древнерусского „слога“, В. А. Пушкин писал:

Славянские слова таланта не дают,
И на Парнас они поэта не ведут.
.....
Поэма громкая, в которой плана нет,
Не песнопение, но сущий только бред.
.....
Отечество люблю, язык я русской знаю,
Но Тредьяковского с Расином не равняю,
И Пиндар наших стран тем слогом не писал,
Каким Боян в свой век героев воспевал.¹

К числу строгих ревнителей классицизма вряд ли можно отнести Державина. Поэту выдающемуся и самобытному, Державину в сильной степени было свойственно и чувство жизненной правды, и глубокое для своего времени понимание вопросов народности, проявлявшейся в его творчестве, по определению Белинского, „не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи“.²

Этими особенностями Державина-поэта и был обусловлен его разрыв с многими традициями классицизма. Этими же особенностями Державина-поэта были подсказаны как его далеко не случайный интерес к „Слову о полку Игореве“, так и известное приятие им эстетических принципов, лежащих в основе древней поэмы.

Серьезный интерес к русской истории и многовековой героической борьбе русского народа со своими врагами, а также обращения Державина к фольклору — всё это не могло не способствовать возрастанию интереса поэта и к „Слову о полку Игореве“.

Освоение идейного и художественного богатства памятников древнерусской литературы и русского народного творчества было для Державина процессом сложным и противоречивым. „Слово о полку Игореве“ в сознании поэта объединялось не только с произведениями русского былинного эпоса и народными песнями, но даже с такими явлениями, как псевдославянская мифология, скандинавский эпос и поэзия Оссиана.

В своих поэтических произведениях Державин переносит скандинавских скальдов в древний Новгород, он признает существование в древней Руси „рунических письмен“ и, считая псевдославянскую мифологию

¹ „Цветник“, 1810, № 12, стр. 358—359.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. I, СПб., 1900, стр. 340.

элементом древнерусского народного сознания, смело и порой неосмотрительно вводит ее даже в такие свои произведения, как, например, анакреонтические песни. Примером подобного неразборчивого отношения Державина к поэтическим средствам может служить его „Пролог на рождение на Севере порфирородного отрока“ (1799). Уже один перечень действующих лиц этой „оперы“, объединяющей персонажи как древнерусской, так и псевдославянской и скандинавской мифологии (Зимцерла, Лель, Валка, Дажбог, Ветряны, Земляны, бог Один и северные боги, пирующие в Валкале, кикиморы, русалки и т. д.), красноречиво свидетельствует о том, каким сложным и трудным путем шел Державин в своих попытках художественного воссоздания русского исторического прошлого.

Истинную причину подобного смешения у Державина русской и северной мифологии мы правильно оценим, если учтем условия времени, если вспомним, что и крупнейший для той поры знаток русских древностей Евгений Болховитинов также замечал в былинах Кирши Данилова „порывы северной скандинавской лирической поэзии“¹ и что, скажем, А. Н. Радищев в своих „Песнях, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам“ (1801) также весьма некритически пользовался арсеналом псевдославянской мифологии. Отмеченная выше неосмотрительность или „неразборчивость“ Державина была свойственна большинству его современников. Лишь немногие из них, как, например, Н. А. Львов, который, кстати сказать, и в глазах Державина олицетворял собой „дух поэзии русской, древней“,² указывали на полную неуместность „норвежского богословия“ в произведениях Державина на русские темы.³

Условиями времени и связанной с ними ограниченностью исторических и филологических познаний Державина следует объяснить как некритическое отношение его к псевдославянской и скандинавской мифологии, так, в частности, и к фальсификации А. И. Селакадзева, так называемому „Гимну Боянову“. Как известно, написанное в стиле баллады стихотворение „Новгородский волхв Злогор“ (1813) было создано Державиным под сильным воздействием „открытых“ Селакадзевым подложных „нескольких произречений пятого столетия новгородских жрецов“.⁴

В своем восторженном отношении к „Гимну Боянову“ Державин стал жертвой излишней доверчивости и собственной палеографической и филологической неосведомленности, хотя более опытные и проницательные в этом отношении современники Державина, А. Н. Оленин, например, и заверяли его уже тогда в подложности рукописей Селакадзева.⁵

Можно было бы указать и на ряд других заблуждений и ошибок, допущенных Державиным в понимании и определении древнерусской истории и поэзии, в частности, на ошибочные положения в его „Рассуждении о лирической поэзии“. К последним прежде всего следовало бы отнести утверждение о том, что происхождение торжествен-

¹ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Изд. Акад. Наук, СПб., т. VII, 1872, стр. 617.

² Там же, т. II, 1865, стр. 461 (стихотворение „Память другу“, посвященное Н. А. Львову).

³ Там же, стр. 276.

⁴ См.: Сочинения Державина... т. III, 1866, стр. 181—186, а также: А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен. Памятники древней письменности, ОЛДП, СПб., 1898, вып. 127, стр. 1—22.

⁵ Сочинения Державина... т. VIII, 1880, стр. 903—904.

ной лирической поэзии связано с религиозным культом, утверждение о близости „Слова о полку Игореде“ к поэзии северных скальдов и Оссиану, утверждение о том, что жанры торжественной лирики „площадных или простонародных слов себе не дозволяют, разве в таком роде будут писаны“ и т. д.¹

Важно отметить, однако, не ошибки Державина, которые, как уже сказано, во многом объясняются условиями времени, а сильную сторону в оценке Державиным основных особенностей древнерусской поэзии и в определении той роли, которую эта поэзия наряду с былинным эпосом и фольклором вообще должна была занять в литературной жизни эпохи.

В „Рассуждении о лирической поэзии“ Державин, помимо ошибочного положения о религиозно-культовом происхождении торжественной лирики, высказывает ряд правильных и ценных суждений об огромном общественном значении поэзии у различных народов, начиная с самых ранних ступеней их общественного развития, о появлении поэзии „на стогнах народных“ и „народных собраниях“, а также о переходе ее в „круги семейств“.² Подразумевая „Слово о полку Игореде“, он пишет: „Славянороссийский баян изображает ратное воспитание и ревность свою к службе князя, что на конце копья он взлелеял, доспехами повит и вычерпает шлемом своим быстрые реки. Словом, всякий древний народ, а особливо северные, воспевая свои подвиги и свои упражнения, изъяснялись, относительно чувств своих, в их гимнах и одах своим образом; ставили славу свою в героических своих песнях, гордились ими, и, не имея их, почитали себя несчастливymi“.³

В этом отрывке содержится не только верное указание на героический характер древней поэмы об Игореде походе, но также и указание на ее самобытность (всякий древний народ „изъясняется“ в песнях „своим образом“).

В „Рассуждении о лирической поэзии“ весьма любопытным является также место, в котором Державин затрагивает вопрос о том, какую пользу может извлечь современный ему писатель из народной и древнерусской поэзии, к которой поэт применял неудачное, но широко распространенное в то время название „славянское баснословие“.

„У нас, — пишет Державин, — из славянского баснословия, сказок и песен древних и народных, писанных и собранных господами Поповым, Чулковым, Ключаревым и прочими в так названных книгах: Досугах, славянских сказках и песенниках, много заимствовать можно чудесных происшествий. Сочинитель опер и трагик могут одно и то же содержание обрабатывать, представляя знаменитые действия, запутанные противоборющимися страстями, которые оканчиваются какими-либо поразительными развязками торжественных или плачевных приключений“.⁴

В дальнейшем ходе рассуждения Державин объясняет также и то, почему автор опер в заимствованиях из народного эпоса и фольклора поставлен в более свободное и выгодное положение по сравнению с автором трагедии.

Таким образом, мы можем сказать, что в своем стремлении оживить литературу здоровыми элементами, заимствованными как из древней, так и из современной народной поэзии, Державин обнаружил широту

¹ Сочинения Державина... т. VII, стр. 516—522, 592.

² Там же, стр. 520—521.

³ Там же, стр. 522.

⁴ Там же, стр. 603.

взгляда, не имеющую ничего общего с чопорностью и ограниченностью эстетических взглядов приверженцев классицизма.

Об особом внимании к „Слову о полку Игореве“ и готовности пользоваться им в качестве образца для собственного творчества свидетельствует также и отношение Державина к „Повести о Мстиславе I, великом князе новгородском“ Павла Юрьевича Львова, изданной в 1808 году.

Названная повесть П. Ю. Львова представляла собой попытку создания русской исторической повести, национальной не только по теме, но также по языку и стилю. Автор ее смело и часто обращается к языку и стилю „Слова о полку Игореве“ и былинного эпоса. Несмотря на свой откровенно подражательный характер (на целый ряд заимствований из „Слова“ автор указал в самой книге в специальных примечаниях) и не всегда удачное и органическое соединение элементов, заимствованных из „Слова“ и народной поэзии, повесть Львова в обстановке слепого подражания иностранным образцам была безусловно положительным явлением в литературе.

„Повесть о Мстиславе I“ пользовалась огромным успехом у читателей. З. Доленга-Ходаковский видел в ней правдивое и образцовое воспроизведение событий, нравов и языка Древней Руси.¹ А. С. Строганов устраивал специальные вечера и собрания, на которых происходило чтение повести П. Ю. Львова.² А. С. Строганову принадлежал также и замысел перевода повести на французский язык. Восторгался „Повестью о Мстиславе I“ и Державин. Сам автор повести рассказывал об этом следующее: „Гавриил Романович Державин был крайне доволен сею повестью. Похваляя оную, неоднократно говаривал он сочинителю, что ему хочется переложить ее в стихи, и что он займется сим на просторе, когда будет у себя на Званке (в Новгородской, любимой его деревне, где провождал он летнее время). Но частые болезненные припадки и приметное изнеможение не дозволили ему заняться сим ничтожным делом“.³

Особый интерес Державина к „Повести о Мстиславе I“ свидетельствует о пристальном внимании поэта одновременно и к „Слову о полку Игореве“, и к литературным произведениям современности, создаваемым в стиле древней поэмы.

Несомненный интерес в этом отношении представляет, на наш взгляд, стихотворение Державина „Утро“, написанное в 1800 году и впервые напечатанное в 1802 году. Изобразив в нем картину летающих по воздуху пернатых и насекомых, Державин дополняет ее следующими стихами:

Те в злате, те в серебре, те в розах, те в багрянцах,
Те в светлых заревах, те в желтых, сизых глянцах
Гуляют по цветам вдоль рек и вокруг озер;
Над ними в высоте ширяется орел!⁴

Слово „ширяться“ не зарегистрировано ни в первом (1789), ни во втором (1806—1822) издании „Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного“. Не зарегистрировано ни одного случая употребления слова „ширяться“ в литературе и изданиях XVIII века,

¹ См.: Ф. Я. Прийма. Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над „Словом о полку Игореве“. Труды ОДРЛ, 1951, т. VIII, стр. 79—81.

² Отечественные записки, 1826, ч. 27, № 77, стр. 428—429.

³ Там же, стр. 429—430.

⁴ Сочинения Державина. . . , т. II, стр. 320.

если не считать только первого издания „Слова о полку Игоре“ Державин употребляет слово „ширяться“ в таком же значении и сочетании, в каком встречается оно в „Слове о полку Игоре“: „Яко сокол на ветрех ширяся“. Поэтому не будет ошибкой заключить, что это слово было заимствовано поэтом непосредственно из древней поэмы, хотя ни содержанием, ни темой стихотворение „Утро“ и не связано с последней.

Любопытно, что в таком же значении и сочетании слово „ширяться“ встречается у Державина еще в двух случаях: в стихотворении „На отправление в армию фельдмаршала гр. Каменского“, написанном в 1806 году, и в стихотворении 1814 года „На отбытие великих князей из Петербурга к армии“.

Взлетел мастистый Орл, — парит,
Ширяется меж звезд крылами,
Свист бурь, блеск молний под когтями;
И змей, во мгле клубясь, шишит.¹

Ужель пришла и вам чреда
Парить, ширяться в поднебесной.²

Заимствованное Державиным из „Слова о полку Игоре“ слово „ширяться“ в значении „парить“ (а если сказать точнее — заимствованный образ парящего орла) получило право гражданства в литературном языке. Мы встречаем его у А. Ф. Мерзлякова: „Ломоносов — орел, ширяющийся в небесах медленно, стройно и важно“,³ у молодого Пушкина („Воспоминания в Царском Селе“: „Вознесся памятник. Ширяся крылами, / Над ним сидит орел младой“), Рылеева („Святослав“: „Он там, где пыл войны кипит, / Орлом ширяся перед строем“), Гнедича („Илиада“, песнь XII), Некрасова, Фета, Панаева, Короленко, Фофанова и ряда других прозаиков и поэтов XIX века.

Значительное количество вполне нас убеждающих примеров заимствования лексики и стиля „Слова о полку Игоре“ можно найти и в других, прежде всего в драматических, произведениях Державина, так как в них, согласно взглядам поэта, автор мог быть более свободен от соблюдения освященных временем эстетических норм и традиций.

Написанная в 1804 году опера „Добрыня“, названная Державиным „театральным действием с музыкою в пяти действиях“, в этом отношении представляет исключительный интерес. Произведение это, несмотря на ряд присущих ему недостатков, является ярким примером творческого новаторства Державина, поисков им путей к свободному от канонов и условностей классицизма, подлинно народному искусству. В опере „Добрыня“ Державиным был проявлен большой художественный такт и бережливое отношение в использовании русского устного народного творчества. Характерно, что пьеса совершенно свободна от присущих более ранним произведениям Державина элементов скандинавской мифологии и обильно насыщена русскими былинными и сказочными сюжетами, пословицами, поговорками и песнями, из которых некоторые не были ранее известны в печати. Опера „Добрыня“ явилась первой серьезной попыткой создания русской народной оперы.

¹ Сочинения Державина..., т. II, стр. 608.

² Там же, т. III, стр. 190.

³ А. Ф. Мерзляков. Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии. Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете, ч. I, 1812, стр. 86.

И. А. Крылов, написавший через два года волшебную оперу „Илья-Богатырь“ (1806), во многом опирался на опыт Державина.

В опере „Добрыня“ Державин дает образцы умелого использования народных обрядовых песен, о чем можно заключить даже по приводимому ниже небольшому отрывку из выступления хора в заключительном, пятом действии (явление XI):

Катилось зерно по бархату,
Еще то ли зерно бурмицкое,
Прикатилось зерно ко яхонту:
Крупен жемчуг, яхонт светится.
Хорош жених со невестою,
Хорош Добрыня со Прелепою.¹

Историческим сюжетом „Добрыни“ и содержащимися в ней мотивами борьбы древней Руси со степными кочевниками определяется известная зависимость оперы Державина также и от „Слова о полку Игореве“. Это можно показать хотя бы на примере двух следующих мест произведения:

Действие 2, явление V. Прелепа (с досадою):

Так что же из того? Я петь ее хотела;
Отчетом никому я в чувствах не должна.
Боянова то песнь, известна всем она.²

Действие 3, явление I. Прелепа:

Какие странные сегодня приключенья
Во сне я видела! — Пожрал Добрыню змей!
Безвестный богатырь идет мне в услуженье!
Бояна песнь пропел чипчатский чародей!³

Похищенная у Добрыни Тугарином песнь Бояна, выражающая и символизирующая чувство любви к русскому богатырю княжны Прелепы, занимает видную роль в развитии сюжета оперы.

В словах, произносимых в третьем действии (явление IV) хором богатырей:

Не сизы соколы по поднебесью,
Не белы кречеты под облаки,
Богатыри слетались русские
К великому князю ко Владимиру,⁴

также можно предполагать отражение „Слова о полку Игореве“, проявившееся как в характере самого сравнения, так и в архаической форме творительного падежа слова „облаки“ — форме, не совсем обычной для народной поэзии и встречающейся в „Слове о полку Игореве“ („шизым орлом под облаки“).

В отдельных мотивах оперы Державина (в бегстве Добрыни из плена, в завываниях зловещего филина, в частых повторениях стиха: „И ныне ль в русских духа нету!“), в отдельных ее фразеологических оборотах („Земля пустила стон от топота коней“, „Сорока ж разве здесь в ночи не щекотала?“ и т. д.) также нетрудно заметить влияние языка, стиля и образов древней поэмы об Игоревом походе.

Заметные следы воздействия „Слова о полку Игореве“ можно обнаружить и в трагедии Державина „Евпраксия“ (1808). Первоначаль-

¹ Сочинения Державина... т. II, стр. 127.

² Там же, стр. 72.

³ Там же, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 86.

ным источником этой трагедии послужило „Сказание о нашествии Батыя на русскую землю“, с которым Державин мог ознакомиться по „Русскому времянику“ (М., 1790, ч. 1, стр. 93). Однако „Русский времяник“ давал поэту лишь краткую канву событий. Обращение Державина к „Слову о полку Игореве“ в поисках изобразительных средств и сюжетных деталей для написания задуманной трагедии было вполне закономерным, а при естественной для того времени скудости исторических источников и просто неизбежным, тем более что и изображаемой эпохой, и темой, и отдельными сюжетными признаками замысел Державина соприкасался с древней поэмой об Игоре-ревом походе.

Уже в картинах, изображающих нашествие монголов, и в описании битвы в „Евпраксии“ имеется немало общего с соответствующими картинами в „Слове о полку Игореве“, хотя строгий трагедийный стиль произведения Державина заметно ослаблял указанное сходство. Для подтверждения нашей мысли приведем несколько примеров:

Печальный вранов крик, вой томный псов волков
В уныние народ и ужас повергают,
Предчувствия меня несносные терзают.

(Стр. 303).¹

Селенья стали уж и нивы пепелища,
Повсюду трупы, кровь, — зверям и птицам пища.

(Стр. 307).

Как черная гроза, летя с хребта ливанска,
На христианску рать неслась так бусурманска,
Пришла, ударила в передний полк челом;
Треск копий, звук мечей дол повторил и холм;
.....
Ток быстрых потек кровавыя реки.
Как нивы злачные, ссекалися полки!

(Стр. 339).

Вслед столь кровавого звероподобна пиру...

(Стр. 346).

Гораздо большей и уже несомненно генетической близостью к „Слову о полку Игореве“ отличаются те места трагедии „Евпраксия“, в которых изображается разобщенность русских князей, а также речи Юрия и Федора, призывающие страну к единению и сопротивлению захватчикам.

Раздоры пагубны, трясут и твердо царство.
В них пользы черплют лишь хищенья и коварство.
И русская земля не будет ввек сильна,
Доколе бдеть о ней не будет власть одна,
Но власть верховная лишь веры и законов,
А не безумных чьих упрямств и произволов.

(Стр. 306).

О Росс! воспрянь, вспомнь, что был, что ныне ты!
Звук славных дел твоих промчался как мечты;
Союзники тебе глумятся и соседы.
Где древние твои гремящие победы?
.....

¹ Как здесь, так и ниже в скобках указывается страница четвертого тома академического издания сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, СПб., 1867.

Встань, Игорь! Ярополк! Олег и Святослав!
 И, души множества в ваш поздний род вдыхав,
 Являйтесь нам в огнях на стогнах средь отчизны,
 И жгите нас, поколь не сгладим укоризны,
 Что стали мы из львов стада днесь робких серн.

(Стр. 328—329).

Не будет ошибкой полагать, что это обращение к первым русским князьям в трагедии Державина восходит к историческим припоминаниям автора „Слова“, итог которых подчеркивается в словах: „О стонати русской земли, помянувшу пръвую годину и пръвых князей“.

„Словом о полку Игореве“, а точнее — „Плачем Ярославны“, вдохновляясь, на наш взгляд, Державин и при создании образа жены рязанского князя Федора Евпраксии, жертвующей собой и младенцем-сыном, чтобы не отдать себя на поругание врагам.

Увы! так нет тебя уже, Феодор мой?
 Любезнейший супруг! Расстался ты со мною;
 Расстался ты навек с твоею Евпраксией,
 И на груди твоей поддержанная выей
 Уж дланей я твоих не буду к персям жать,
 И сладостей любви из уст твоих вкушать!
 . . . . .
 Ах не увидишь нас! прости, прости навеки!
 О горестная мысль! стремитесь, слезны реки,
 И можете коль вы проникнуть ону тму,
 Где дух его теперь, — проникните к нему,
 И пламенной струей коснясь его, троните,
 Из крепка, смертна сна вновь к жизни возбудите,
 Да встанет он меня в последний раз обнять,
 Последние мои лобзанья воспрять.
 Но что я говорю? Мечты сии пустыя
 Пойду облобызать вкруг язвы кровавыя
 Я сердца моего, — пойду. . .

. . . . .
 Я только лишь пред ним, упади, поклонюся,
 И сердца хладного, остылых уст коснуся;
 Обозрю раны все, слезами умащу,
 Чело мое с его челом я совмещу.

(Стр. 366—367).

Воспитанный на образцах и в традициях классицизма, Державин познакомился со „Словом о полку Игореве“ почти в шестидесятилетнем возрасте. Поэт был далек от правильного понимания как исторических условий, в которых возникло „Слово“, так и его глубокого идейного содержания и художественного своеобразия. При полной почти неизученности древней поэмы, в обстановке господства старых эстетических понятий восприятие художественных особенностей „Слова“ Державиным не имело, да и не могло иметь той естественности и непосредственности, которую обнаружили немного позднее его младшие современники — Катенин, Рылеев, Гнедич, Пушкин. И тем не менее, как художник огромного дарования и глубокого поэтического чутья, Державин сумел увидеть в древней поэме высокохудожественное и правдивое отображение исторического прошлого и сумел правильно оценить ее некоторые характерные особенности. Использование образов „Слова о полку Игореве“ в трагедии „Евпраксия“ свидетельствует о том, что сознанию Державина были доступны и дороги не только отдельные яркие образы поэмы, подобные образу ширяющегося под небесами орла, но также и ее гражданские, патриотические мотивы. Понимавший ограниченность и устарелость эстетического кодекса

классицизма, чувствовавший необходимость обновления искусства новыми элементами, уже на склоне своих лет Державин обнаружил готовность следовать лучшим традициям народного поэтического творчества и тесно связанной с ним гениальной древней поэмы об Игоре в походе.

2. „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом“ и его автор

Анонимный стихотворный „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом, победителе половцев“ был напечатан в 1814 году в пятой книжке журнала „Русский вестник“, основанного и издававшегося С. Н. Глинкой. Это произведение, как уже отмечалось некоторыми исследователями, было одним из первых в русской литературе подражаний „Слову о полку Игоре в“.¹

Отразившиеся в „Отрывке из повести о князе Мстиславе Великом“ приемы использования „Слова о полку Игоре в“ имеют большое сходство с особенностями отражения древней поэмы об Игоре в походе в другом произведении русской литературы начала XIX века, а именно в „Повести о Мстиславе I Володимировиче, славном князе русском“ П. Львова, изданной в 1808 году. Автор анонимного „Отрывка из повести о князе Мстиславе Великом“ подобно тому, как это делал в своей повести П. Львов, широко пользовался приемом буквального заимствования отдельных образов, слов и стилистических формул „Слова о полку Игоре в“.

Князь Мстислав изображался анонимным автором „Отрывка“ как неустрашимый враг половцев — „он гремел мечами острыми об шеломы их железные“; где ни появится храбрый князь со своею дружиною — „там долины все покроются головами бусурманскими“; он „ковал победу“, „стрелою добывал славу“, „он орлом летал и соколом и с размаху опрокидывал кровожадных черных коршунов“. Но вот Киевская Русь лишилась князя Владимира и половцы двинулись на Русь; „возросла беда всеместная“, „пробудилось время тяжкое“, „налетело стадо воронов“ и „ветры вдруг стрелами взвезали“, „дождь кровавый с Дона быстрого полился на землю русскую“, „поднялась беда со всех сторон“, „застонала мать сыра земля“. Молодой князь Мстислав обращается к своей дружине в духе и стиле известной из „Слова о полку Игоре в“ речи князя Игоря:

Сядем, братья и товарищи!
На коней своих с поспешностью
И на пир поскачем к половцам!
.....
Вы под звуком труб родилися,
Под шатрами возлелеяны
И концом копья воскормлены!

В ответ князю русские воины восклицают:

Всюду, всюду, наше солнышко,
За тобою мы последуем
.....

¹ В. В. Сиповский. Следы влияния „Слова о полку Игоре в“ на русскую повествовательную литературу первой половины XIX столетия. Известия по русскому языку и словесности, т. III, Л., 1930, стр. 250; см. также: О. В. Данилова и др. „Слово о полку Игоре в“. Библиографический указатель. М., 1940, стр. 75.

Станем грудью богатырскою,
И булатными лишь копыями
Одолеем злые полчища.
Молви слово нам, отец родной!
Мы расплещем Волгу быстрою,
Дон шеломами исчерпаем.

Мстислав одержал победу, русским досталась богатая добыча. Жители Киева славят князя и его воинов, возвращающихся с поля битвы.

Там-то Русь неодолимая
Истребила остальных врагов,
Забрала руками полными
Аksamиты с поволоками,
Серебро, камень, золото,
На святой Руси награбленны,
А Мстиславу победителю
Богатырска дань досталась:
Знамя Половцов багряное —
Чолка красная со древкою.
Руской Князь с победой славною
Возвратился во Престольный град
И принес благодарение
Богу, Руских сил поборнику.
Слава Князю православному!
Слава Руским храбрым воинам!

Обильно насыщая свое произведение поэтическими образами „Слова“, автор анонимного „Отрывка“, подобно П. Львову, намеренно воздерживался от использования присутствующих в „Слове“ архаических элементов языка и стиля, столь, казалось бы, необходимых для правдивого отображения исторического прошлого. Тенденция к известной модернизации духа и колорита эпохи проявилась в повестях П. Львова и анонимного автора также и в характере использования народного поэтического творчества. Смутно сознавая родственность „Слова о полку Игореве“ народной поэзии, авторы обильно вводили в свои произведения о далеком прошлом поэтику русской народной песни XIX века, в свойственном представителям сентиментализма особом ее понимании. Так, например, в анонимном „Отрывке из повести о князе Мстиславе Великом“ можно найти такие строки:

Не соловушек на веточке
Песни громкие высвистывал,
Но в долине древней Киевской
Раздавался голос княжеский.

Или:

На зоре румяной, утренней,
Не сокол слетал с тепла гнезда,
И не кречет белый перьями;
Вылетал из леса темного —
Выезжал из града Киева
Из великих золотых ворот,
Храбрый Князь с своими братьями.

Подобное понимание проблемы народности не отвечало ни требованиям исторического правдоподобия, ни требованиям единства стиля.

Идейное богатство „Слова о полку Игореве“ обоими авторами также было усвоено неглубоко. И П. Львову и анонимному автору „Отрывка“ свойственно чувство патриотизма, однако понимание последнего в их произведениях ограничено и связано с идеей верности княжеской власти, а не интересам народных масс.

Если к фактам, изложенным выше, добавить, что „Повесть о Мстиславе I Володимировиче“ П. Львова и анонимный „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом“ — произведения, необыкновенно близкие друг к другу тематически, то зависимость второго из них от первого можно будет считать бесспорной.

Несмотря на стилизаторски-подражательный характер и художественное несовершенство, „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом“, равно как и „Повесть о Мстиславе I Володимировиче“ П. Львова, представляют значительный интерес как для историков русской литературы вообще, так и для исследователей „Слова о полку Игореве“ в частности. В этих произведениях отразился начальный этап борьбы за народность в русской литературе, когда стремление к народности только в редких случаях выходило за границы стилизаторства, усвоения внешних признаков народного поэтического творчества.

В отношении системы версификации „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом“ очень близок к опытам создания русского народного стиха Н. М. Карамзиным („Илья Муромец“, 1794), М. М. Херасковым („Бахариана“, 1803), И. Серяковым (стихотворный перевод „Слова“, 1803), А. Х. Востоковым („Певислав и Зора“, 1804), Н. Язвицким (стихотворное переложение „Слова“ дактиле-хорейческими стихами, 1812), Ив. Левицким (стихотворное переложение „Слова“ „стихами старинной русской меры“, 1813) и другими русскими поэтами начала XIX века.

Вместе с названными выше произведениями „Отрывок из повести о князе Мстиславе“ анонимного автора сыграл свою скромную роль как в формировании исторических жанров в русской литературе вообще, так и в формировании жанра поэмы на историческую тему в особенности. Поэтому вполне законна постановка вопроса — кто же был его автором?

Отправной пункт для поисков в этом направлении мы находим в упомянутой выше пятой книжке „Русского вестника“ за 1814 год, где интересующий нас „Отрывок“ был впервые напечатан. Эта публикация имеет не безынтересный для нас подзаголовок: „Посвящается храбрым русским воинам (из Тамбова)“. Обращает на себя внимание и обозначение места написания „Отрывка“: „Село Знаменское“. Характерно, что точно такую же пометку мы находим и в другом, уже не анонимном стихотворном произведении на историческую тему, напечатанном в № 6 „Русского вестника“ за 1813 год (стр. 3—15) под названием: „Князь Феодор Рязанский и князь Юрий Муромский. Посв. праху М. М. Философова“. Под стихотворением обозначены время и место написания (1813 год, Село Знаменское) и подпись: „кн. Ник. Кугушев“. То обстоятельство, что Н. Кугушев, так же как и интересующий нас аноним, проживал в селе Знаменском и писал поэтические произведения на темы из русской истории, печатая их при этом в „Русском вестнике“, дает нам основание предполагать в Н. Кугушеве также и вероятного автора „Отрывка из повести о князе Мстиславе“, хотя и не делает еще это предположение доказанным. В пользу правильности высказанного предположения говорят, однако, и другие факты, в частности стихотворение, напечатанное в № 8 „Русского вестника“ за 1813 год: „Жертва храбрым россиянам, приносимая от соотечественника их, некогда служившего на поле брани (из Тамбова)“. Под стихотворением подпись: „Инвалид. Тмб-в“. Обозначение места (из Тамбова), обращение к „храбрым россиянам“,

а также образы „Слова о полку Игореве“, встречающиеся в этом стихотворении („Поля усеяны костями“ и т. д.), дают основание считать, что автор его, как и автор „Отрывка из повести о князе Мстиславе“ (подзаголовок: „Посвящается храбрым русским воинам“, „из Тамбова“), — одно и то же лицо. Между тем, автор стихотворения „Жертва храбрым россиянам“ — Н. Кугушев, так как именно за его подписью это стихотворение было напечатано повторно в книге, изданной в 1814 году в Москве под названием „Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812-му году“ (ч. 1, стр. 197—204).

Таким образом, можно считать достоверно установленным, что подобно интересующему нас анониму, Н. Кугушев не только печатался в „Русском вестнике“ и создавал стихотворные произведения в духе „Слова о полку Игореве“, но и ставил под своими произведениями такие пометки: „из Тамбова“ и „Село Знаменское“. Всё это делает высказанное выше предположение необычайно правдоподобным.

Окончательно убеждает нас в правильности предположения о том, что искомым аноним — Н. Кугушев, библиографическое пособие Г. Геннади: „Справочный словарь о русских писателях и ученых и список русских книг с 1725 по 1825 год“ (Берлин, 1880). Во втором томе этого пособия (стр. 194) Н. Кугушев назван автором анонимно изданной в 1814 году в Москве книги стихотворений „Праздное время Инвалида“. Никаких сомнений в том, что автор этой книги раскрыт Г. Геннади правильно, возникнуть не может, хотя бы потому, что в этот сборник вошло несколько стихотворений, печатавшихся ранее в различных периодических изданиях за подписью Н. Кугушева, в том числе и упоминавшееся выше, напечатанное в 1813 году в № 6 „Русского вестника“ за подписью Н. Кугушева стихотворение „Князь Феодор Рязанский и князь Юрий Муромский“. В сборнике стихотворений „Праздное время Инвалида“, несомненным автором которого является Н. Кугушев, напечатан (стр. 86—94) также и интересующий нас „Отрывок из повести о князе Мстиславе Великом“. Следует сказать, что в сборнике текст интересующего нас „Отрывка“ несколько отличается от его журнального текста.

Нам не удалось разыскать сколько-нибудь значительных биографических данных о Н. Кугушеве. Даже даты его рождения и смерти продолжают оставаться неизвестными. Тем не менее следует признать, что в начале XIX века Н. Кугушев принадлежал к числу видных и регулярно печатавшихся авторов.¹ Знакомство с произведениями Н. Кугушева убеждает нас в том, что он принадлежал к писателям карамзинистского направления.

Уже в изданной в 1808 году большой по объему поэме „Грановитая палата“, содержанием которой является поэтическое воспроизведение событий русской истории, Н. Кугушев, равняясь на модное для того времени, так называемое русское народное дактиле-хореическое стихосложение, создает для себя образцы стиха, которыми он воспользуется и при работе над „Отрывком из повести о князе Мстиславе“. Для

¹ Н. Кугушевым были изданы следующие книги: „Любовная шутка. Комедия“ (Смоленск, 1800); „Соболя шуба. Или: Спорь до слез, а об заклад не бейся“ (М., 1803); „Мой курс в Липедке“ (М., 1804); „Грановитая палата“ (М., 1808; рассказы из русской истории в четырех книгах); „Праздное время Инвалида“ (М., 1814). Кроме того Н. Кугушев печатался в „Иппокрене“ (1801), „Новостях русской литературы“ (1802), „Вестнике Европы“ (1803, № 6), „Русском вестнике“ (1813—1814), „Памятнике отечественных муз на 1828 г.“ и в других периодических изданиях.

примера приведем здесь небольшой стрывок из „Грановитой палаты“, в котором изображается князь Мстислав Удалой:

Между тем, как бури грозные
Утихали в русских областях
На полудни и на севере,
В это время безмятежное
Области Тмутараканские —
Под владением Мстиславовым —
Не могли своим спокойствием
Похвалиться пред соседями.
Там народ свирепый, варварский,
Именуемый К а с о г а м и
Беспокоил их набегами.

Но Мстислав с своими войсками
Усмирить хотел неистовых.
Оба войска скоро встретились
И готовились к сражению.
Предводитель их — Р е д е г а князь,
Не желал кровопролития,
Но послал гонца в Российский стан
С следующим предложением.

И — Р е д е г а пал у ног его!¹

Работа Н. Кугушева над большим произведением из русской истории велась под несомненным воздействием „Слова“. В „Грановитой палате“ можно найти ряд мест, чрезвычайно близких к „Отрывку из повести о князе Мстиславе“, как по содержанию, так и по исполнению.²

Несмотря на небольшое поэтическое дарование, Н. Кугушев оказал всё же некоторое воздействие на современную ему литературу. Многие из затронутых Н. Кугушевым тем и исторических образов (Мстислав Удалой, Василько Теребовльский, междоусобицы удельных князей, войны с половцами, Дмитрий Донской и др.) занимали видное место и в творчестве последующих писателей, особенно в творчестве поэтов-декабристов. Не лишне при этом будет вспомнить, что впервые в литературе (если не считать „Слова“) изображенный Н. Кугушевым поединок князя Мстислава с косожским князем Редедей впоследствии привлек к себе внимание К. Ф. Рылеева (дума „Мстислав Удалый“) и что желание воспеть „Мстислава древний поединок“ высказывал в „Кавказском пленнике“ Пушкин.

Известный интерес представляют исторические поэмы Н. Кугушева и для исследователей „Слова о полку Игореве“. Конечно, не случаен тот факт, что в обстановке Отечественной войны 1812 года у писателя возник интерес к древней русской поэме, как совсем неслучайным было и то, что написанная в духе „Слова“ поэма о далеком историческом прошлом посвящалась „храбрым русским воинам“. Исторические поэмы Н. Кугушева дают в руки исследователя ценный материал для уяснения вопроса о степени известности древней поэмы об Игоревом походе в самом начале XIX века в литературных кругах, а также о степени, формах и характере воздействия ее на русскую литературу.

¹ Н. Кугушев. Грановитая палата. М., 1808, кн. I, стр. 113.

² Там же, кн. III, стр. 82 сл.